

И. В. Привалова

Институт языкознания РАН

Структура и составляющие этнолингвокультурного сознания

Объективно существующий, предметный, реальный мир отображается в психике человека так, что это отображение представляет собой образ мира – концептуальную картину мира. «Означивание» результатов отражения, т.е. «вербализация» концептуальной картины мира, представляет собой языковую картину мира. Справедливо подчеркивается, что языковую картину мира нельзя отождествлять с образом мира у пользующегося языком человека. Образ мира как достояние индивида «симультанен, голографичен и многолик, поскольку является продуктом переработки перцептивного, когнитивного, аффективного опыта и функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживания» и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [Залевская, 2001, с. 91]. Для современной психолингвистической науки верифицирован и общепризнан тот факт, что языковая картина мира меньше и беднее образа мира и отражает лишь его незначительную часть.

Этнолингвокультурное сознание – это культурно обусловленный ин/вариантный образ мира, соотносённый с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые обуславливают этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом. Поэтому этнолингвокультурное сознание существует как в общественной, так и в индивидуальной формах. Этнолингвокультурное сознание не конгруэнтно языковой картине мира, т.к. включает не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное. Культурнообусловленное сознание интегрирует знания о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этнолингвокультурное сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их варибельность от одной культуры к другой. Специфика национально-обусловленного образа мира наиболее очевидна в процессе межкультурной коммуникации (МКО). Именно в условиях двуязычной коммуникации становится необходимым «включение» информационно-телеологического режима (Ю.А. Сорокин) работы сознания и механизмов информационного сличения.

Базисные функции этнолингвокультурного сознания такие же, как у картины мира – интерпретативная (осуществление видения мира) и регулятивная. Наличие единого этнолингвокультурного сознания может национально внутренне интегрировать и одновременно внешне ограничивать представителей одного этнического сообщества. Этнолингвокультурное сознание опосредует акты мировосприятия и миропонимания и осуществляет построение субъективных образов объективно-го мира, используя особый арсенал функциональных единиц.

Образ этнолингвокультурного сознания конституируют функциональные/операционные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Когнитивное пространство состоит из таких функци-

ональных единиц, как представления, фрейм-структуры, концепты, концептосферы. К культурному относятся культуремы, мифологемы, ритуалы, культурные стереотипы, эталоны, символы, а к лингвистическому – языковые универсалии, прототипы и языковые маркеры национально-культурного сознания (ЯМНКС). Эти три пространства взаимопроникающие и составляют единое целое – лингво-культурно-когнитивное пространство, которое конгруэнтно национальному. Под лингво-культурно-когнитивным пространством понимается виртуально-реальное, информационно-эмоциональное («этническое») поле [Гудков, Красных, 1998], используя единицы которого, языковая личность участвует в коммуникационных процессах, и в том числе в процессе межкультурной коммуникации.

Лингвистическое, когнитивное и культурное пространства особым образом структурированы и состоят из находящихся в определенных отношениях друг с другом молекулярноподобных по своему строению единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации. В данном случае целесообразно употреблять термин «информация» для обозначения неупорядоченной совокупности сведений о чем-либо, не исключающей энтропии, и отличать от термина «знание», под которым понимается объединенная общим пространством организованная система упорядоченных фактов. Другими критериями, не позволяющими полностью отождествлять понятия «информация» и «знание», являются объективность, адекватность, истинность, наличие которых является необходимым и обязательным условием существования знаний. Трактую «знание» и «информация» как относительно тождественные понятия, важным для нас является и то, что термин «информация» предполагает «нечто приходящее к человеку по разным каналам, передаваемое и кодируемое, обрабатываемое и перерабатываемое при поступлении в качестве разных ощущений, сигналов или стимулов в ходе восприятия мира...» [Краткий словарь, 1997, с. 28]. Таким образом, функциональные единицы этнолингвокультурного сознания можно квалифицировать как особым образом закодированные структуры репрезентации знаний в языке, имеющие определенное содержание и использующиеся для кумуляции и трансмиссии информации.

Визуальное изображение модели взаимодействия функциональных единиц может быть представлено в виде айсберга. Используемая впервые Ф. Клакхоном применительно к структуре ценностей, данная модель имеет эксплицитную и имплицитную части. Данное положение для нас достаточно важно, т.к. такие ментальные конструкторы, как представления, концепты, концептосферы, находятся в «подводной» части и эксплицируются комплексом функциональных единиц лингвистического и культурного пространств.

Взаимоотношения функциональных единиц между собой могут быть описаны в терминах «семантическая сеть», «семантическая решетка» («semantic net», «semantic lattice» по К. Харди). Это взаимопроникающая и подвижно-комбинаторная система, где различные функциональные единицы вступают во взаимодействие друг с другом, конструируя характерные для определенного временного континуума комбинации. «Продукты» взаимодействия функциональных единиц этнолингвокультурного пространства образуют сферу сознательной деятельности языковой личности.

Представления, концепты, концептосферы, фрейм-структуры – единицы структурированного знания, а ЯМНКС, универсальные и прототипические языковые единицы, культуремы, мифологемы, культурные стереотипы, символы рассматриваются нами как зафиксированные лингвокультурным кодом знаковые овнешнения этих квантов знаний. В качестве функциональных когнитивных единиц нами не выделяются такие конструкторы ментального лексикона, как фигура и фон [Talmy, 1978], акцентирующие отдельные семантические признаки или их множества, но не целые образы. Упомянув парные типологические противопоставления подобного порядка, более информативна диада «профиль – база»

Р. Леннекера [Langacker, 1991], позволяющая уточнять и сравнивать образы, концепты, а также проводить между ними операции аналогии и субституции. В качестве функциональной когнитивной единицы нами не выделяется и метафора, уникальность которой заключается в том, что она может выступать как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического [Lakoff, Johnson, 1980], [Lakoff, 1987]. При обращении к таким, пришедшим в когнитивную лингвистику из гештальт-психологии понятиям, как «фон», «фигура» поддерживаем идею дифференцированного восприятия более актуальной информации и дальнейшей ее экстраполяции, которая объясняется различными перцептуальными свойствами. [Демьянков, 1992]. Данный механизм также верен и по отношению к процессу актуализации и оперирования функциональных единиц когнитивного, культурного и лингвистического пространств. Соотношения концепта и метафоры видятся нам как соподчиненные: концепт, как правило, является первопричиной для метафоры, которая определяет его свойства и границы развития. На данной идее базируется и гипотеза устойчивости метафоры Дж. Лакоффа, согласно которой концепт ограничивает воображение носителя языка в процессе структурирования внеязыковой ситуации [Lakoff, 1990].

Под представлением понимается коллективное или индивидуальное отражение связей и отношений действительности и сопутствующие им оценки и коннотации [Шахнарович, Юрева, 1990]. Для коллективных представлений не обязательны такие категории как истинность и объективность (в отличие от знаний), но в субъективных представлениях обязательно присутствуют эмоциональная оценка и коннотации.

Можно выделить три ракурса в трактовке понятия «концепт»: лингвокогнитивный, лингвокультурологический и психолингвистический. Представители лингвокогнитивного направления З.Д. Попова и И.А. Стернин, опираясь на труды Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдырева, определяют концепт как глобальную мыслительную единицу, идеальную сущность, формирующуюся в сознании человека. Концепты кодируются в сознании единицами универсально-предметного кода, которые имеют предметно-образный характер, но с увеличением уровня абстрактности, любой концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Отмечается стратификация концептов на общенациональные, групповые и личные, причем в первых двух группах встречаются индивидуальные концепты [Попова, Стернин, 1999, с. 5]. В фокусе когнитивной лингвистики концепт определяет используемую для его выражения семантику языковых средств, которая может быть как систематизированной и общепринятой так и вновь оформленной.

Важным в психолингвистическом подходе представляется то, что концепт трактуется не как «безнадежно застывшая сущность» (А.А. Залевская), но как структура, склонная к модификациям: концепты расширяются, сливаются, т.е. подвергаются искажениям и мутациям. Таким образом, вводится временной параметр, непосредственно связанный с динамикой и трансформацией концептов. Американский антрополог К. Харди [Hardy, 1998], предложив чрезвычайно продуктивную для психолингвистики концепцию концепта, отметила его возможность быть составляющей процессов порождения значения, которые интегрированы в динамические процессы мышления, активно стимулирующие новые связи, ассоциации, новую ментальную (само)организацию. (цит. по: [Залевская, 2001, с. 82]). Подобный взгляд на концепт и специфику функционирования значений сходен с трактовкой слова как средства доступа к единой информационной базе человека и внутреннего лексикона как динамической, самоорганизующейся системы, принятой тверскими исследователями еще в 1970-е годы [Залевская, 1977].

Исходя из того, что субъект является одновременно представителем определенного общества (в нашей терминологии – этнолингвокультурного сообщества),

и индивидом, А.А. Залевская разграничивает инвариантные и индивидуальные концепты. В результате добавления текстового толкования к концепту образуется конструкт, который и становится в большинстве случаев предметом лингвистического исследования. Индивидуальный концепт (именно в этом случае, по мнению исследователя, можно говорить о концепте как таковом) определяется как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2001, с. 90].

Индивидуальные концепты проявляются, прежде всего, в результатах эстетической речевой деятельности, т.е. художественных текстах, где фигурируют как единицы индивидуального сознания автора и образующие его концептуальной системы [Павиленис, 1983], [Пищальникова, 1999].

В процессе порождения текста концепт, по мнению В.В. Красных, выполняет роль «пускового механизма» замысла, и, затем, становится конечной целью при восприятии текста. Под концептом понимается «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенцией автора, приведших к порождению смысла» [Красных, 1998, с. 202]. В таком понимании концепт соотносим с «замыслом текста» (по Л.С. Выготскому) и «общим смыслом текста» (по А.А. Брудному).

«Многомерность» концепта обуславливает множественность параметров, по которым ведется его исследование. Концепты изучаются по способу языкового выражения и типологизируются в зависимости от языковых средств, используемых для их выражения, на лексические (репрезентирующие значение одного слова); фразеологические (передаваемые значениями фразеологического сочетания), грамматические (передаваемые тем, что находит отражение в грамматических формах), синтаксические (представленные синтаксическими структурами).

Своеобразие феномена, обозначаемого термином «концепт», позволяет представителям лингвокультурологической парадигмы рассматривать его как культурное явление. Объяснения подобных оснований сформулированы Ю.С. Степановым: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 40].

Концепт признается основной единицей лингвокультурологии и рассматривается как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме [Ляпин, 1996], [Карасик, 1996]. В концепте – базовой единице культуры – выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. Включение в концепт не только описательно-классификационных, но и чувственно-эмпирических характеристик дает возможность проводить концептологический анализ эмотивности языковых знаков [Красавский, 2001], текстовой прецедентности [Слышкин, 2000] и метафорически образной и значимостной составляющих семантики концептов [Воркачев, 2002]. Социологизирующая роль культурного концепта проявляется в существовании его в трех разновидностях: этнокультурной, социокультурной и индивидуально-культурной. Взаимодополняющий характер лингвокогнитивного и лингвокультурного подхода к пониманию концепта В.И. Карасик объясняет через понятие вектора по отношению к индивиду: «Лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик,

2002, с. 139].

Полное и подробное освещение подходов к пониманию различных форм бытования концепта и соотношение семантической и концептуальной структур может быть предметом отдельного психолингвистического анализа. Считаем, что при исследовании этнокультурной специфики языкового сознания, проявляющейся в процесс МКО, концепт может определяться как ментальное многомерное образование, характеризующееся динамичностью, модифицируемостью и пенетрацией. В концепте, представляющем собой функциональную единицу когнитивного пространства этнолингвокультурного сознания представителей определенного этнолингвокультурного сообщества, выделяются две ипостаси: продукт психических процессов языковой личности и продукт научного лингвистического изучения.

Совокупность концептов образует имеющую свои законы развития и организации концептуальную систему, в которой предположительно исходные, базовые концепты не только модифицируют сами, обогащаясь новыми характеристиками, но и генерируют развитие новых концептов. Концептосфера также рассматривается нами как единица когнитивного пространства этнолингвокультурного сознания, имеющая свои лингвистические конструкторы – объекты для языкового исследования.

К функциональным единицам когнитивного пространства этнолингвокультурного сознания могут быть отнесены и концептуальные блоки, предопределяющие рецепционные процессы и обуславливающие их национально-культурную специфику, иначе культурно значимые фрейм-структуры сознания [Красных, 1998, с. 116-119]. Фрейм-структура, подобно концепту, существует в двух измерениях: устойчивых, ментальных, глубинных конфигурациях и в их объективированной форме – ассоциативно-вербальной сети, являющейся предметом лингвистического изучения. По парадигматическим отношениям ассоциативных связей и ассоциативных рядов реконструируются национально-культурные особенности когнитивных механизмов и структур.

Исследование этнокультурной специфики языкового сознания проводится с позиции того, что «язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания, которое бытует как «образ себя» (образ мира своего этноса) и «образ другого» [Уфимцева, 2000, с. 5]. Подобное теоретическое основание дает возможность рассматривать этнолингвокультурное сознание как сложное трехмерное образование, инкорпорирующее функциональные единицы когнитивного, культурного и лингвистического пространств.

Литература

- Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
- Гудков Д.Б., Красных В.В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.
- Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39-77.
- Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингво-

культурах. Волгоград, 2001.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1997.

Ляпин С.Х. Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания). Архангельск, 1996.

Павиленис Р.И. Проблема смысла (современный логико-философский анализ языка). М., 1983.

Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж. 1999.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Уфимцева Н.В. Предисловие//Языковое сознание и образ мира. М., 2000., с.5-6.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.И. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.

Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. Wesport, Connecticut, London, 1998.

Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics. 1990. № 1. P. 39-74.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol.: Descriptive application. Stanford, 1991.

Talmy L. Figure and ground in complex sentences // Greenberg et. al. (eds), Universals of human language. Stanford, 1978, Vol. 4. P. 625-649.